

Трансформации в российской экономике и отношение к человеческому развитию

С.Н. Смирнов

Банально, но непреложно: остается созданное людьми, но уходят сами люди. А вместе с ними постепенно забывается и тот предметно-вещный мир, который окружал человека в его повседневной земной жизни – от рождения до смерти. Ведь этот мир меняется с течением времени, и будущим поколениям людей уже никогда не придется смотреть черно-белые ламповые телевизоры, ездить на автомобилях с карбюраторными двигателями, печатать при красном свете фонаря снимки с фотопленок. А наши недавние научные предшественники набирали тексты на пишущих машинках, рисовали вручную графики на бумаге с миллиметровыми делениями и никогда не разговаривали по сотовому телефону.

Изменения в предметно-вещном мире не всегда принципиальны. Например, с момента появления первого в мире Лондонского метрополитена (1863 г.) человечество пользуется этим видом транспорта, но современные его вагоны мало напоминают метровагоны далекого прошлого. Через четверть века жителям российской столицы станет непонятным выражение «голубые поезда метро», поскольку сейчас новейшие модели его вагонов уже не окрашиваются в этот цвет. Да и синий троллейбус МТБ-82 из песни Б. Окуджавы ушел в далекое прошлое, став музейным экспонатом. А по улицам Москвы ездят троллейбусы других марок.

Изменение предметно-вещного мира неотвратимо, как неотвратим технический прогресс. Тому же способствует и сформировавшееся в экономически развитых странах общество потребления, в котором на потребительский рынок постоянно выбрасываются новые модели бытовой техники, лишь незначительно отличающиеся друг от друга. Ее потребление в последние десятилетия все больше смещается от «ремонтной» модели, когда техника неоднократно ремонтируется в течение периода ее эксплуатации до «безремонтной», когда производитель старается обеспечить отсутствие дефектов, но регламентирует при этом срок службы техники. По истечении этого срока становится экономически неэффективно ее ремонтировать, и потребитель вынужден приобретать новую технику. На эту же модель работает и отказ от унификации узлов и деталей у аналогичной техники разных производителей, что повышает стоимость ремонта.

Но при всей важности предметно-вещного мира определяющими все-таки являются созданные обществом условия, в которых происходит их потребление. Можно забыть название мебельной стенки или стиральной машины, но нельзя забывать, что, даже располагая достаточными средствами, при определенных условиях их нельзя купить. Такие условия существовали, например, в непонятной современному молодому поколению россиян экономике дефицита в прежнем СССР.

Стоит обществу создать новые условия – старые очень быстро забываются, особенно, если они противоречили нормальной человеческой логике. Уходит в прошлое и образ жизни, определяемый этими условиями потребления. Ценители всегда будут восхищаться эпистолярным наследием А.П. Чехова, но полностью понять из его писем можно лишь мораль и физиологию писателя. В то же время как его повседневный предметно-вещный мир и образ жизни как одного из представителей россиян конца XIX – начала XX вв. вряд ли может быть восстановлен полностью. Сугубо бытовой вопрос, который имеет право на существование: а какая канализация была в гостинице «Лувр», где великий писатель, страдавший катаром желудка, предавался любовным утехам с известной впоследствии переводчицей Т.Л. Щепкиной-Куперник и гораздо менее известной, но очень красивой актрисой Л.Б. Яворской? Или вопрос чисто экономический: каков генезис упоминаемого в объявлении о продаже в 1899 г. подмосковной усадьбы писателя Мелихово долга, который будущий покупатель должен был выплатить Земельному банку?

Однако этот пробел в значительной степени восполняется многочисленными мемуарами, которые оставили потомкам известные и менее известные представители ранее

живших поколений. Мемуарная литература позволяет достаточно полно представить жизнь населения различных стран мира, начиная с XIX века.

Но в России ситуация оказалась принципиально иной. Естественное развитие мемуаристики было нарушено введением цензуры после октябрьского переворота 1917 г.

Не возникало, например, проблем с «Былом и думами» А.И. Герцена – его демократический ход мыслей расценивался советской властью как правильный и прогрессивный. Множество раз издавалось «Детство», «Отрочество» и «Юность» «матерого человешица» Л.Н. Толстого. А вот «московский златоуст» И.С. Шмелев с его «Летом Господнем» категорически не устроил строителей нового общества – заигрыванье с «Боженькой» оказалось неуместным, когда конформистские интеллектуальные силы общества были брошены на создание коммунистической псевдорелигии. Такая же судьба постигла и И.А. Бунина с его «Окаянными днями», где присутствовал, мягко говоря, неканонический взгляд на октябрьские события, и «Несвоевременные мысли» пролетарского писателя М. Горького. Даже книга прогрессивного американца Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир», в которой нарисована яркая предметно-бытовая картина этих событий, оказалась на три десятилетия под запретом, поскольку в ней описывались деяния тех большевистских вождей, впоследствии оказавшихся «троцкистскими двурушниками»...

Остаются фильмы, по которым тоже можно составить представление об образе жизни той или иной эпохи. Например, образ жизни москвичей периода так называемой «оттепели» блистательно отражен М. Хуциевым в «Заставе Ильича» и «Июльском дожде», а Г. Данелия – в «Я шагаю по Москве». Хуже получается, когда фильмы лишь воспроизводят эпоху – в этом случае можно всегда гарантировать грядущие замечания бытописателей, что в отражаемом времени не было таких нашивок на кителях офицеров, а здание, на фоне которого объясняются герои было построено на десять лет позже кинематографических событий...

Утрата предметно-вещного мира не трагична: человек как потребитель заинтересован в том, чтобы стиральная машина отжимала лучше, холодильник замораживал эффективнее, а телевизор принимал все больше и больше программ. А вот утрата привычного образа жизни многими воспринимается как трагедия, и не случайно многие наши сограждане ностальгируют по временам СССР, когда, как поет Т. Шаов, «и снег-то был белей, и вода была мокрей». Самое удивительное, что случившийся в декабре 1991 г. самороспуск СССР считают ошибкой и некоторые представители младших возрастных групп, которые не жили в тот период.

Причина состоит в том, что мы судим о советской эпохе по ее внешней идеологической обложке, которая маскирует противоречащее нормальной человеческой логике ее содержание. Попытки беспристрастно разобраться, почему это так, неоднократно предпринималась публицистами и учеными. В числе тех, которые можно было бы порекомендовать – мемуары доктора исторических наук Б.Г. Тартаковского (1911 – 2002) «Все это было... Воспоминания об исчезающем поколении» (М., АИРО-XX, 2005). В этой книге автор, родившийся за 11 лет до создания СССР и на 11 лет переживший его, рисует яркую картину всех срезов советского общества – от идеологического до бытового на различных этапах его существования. Относительно узкий временной период существования этого общества также комплексно описан в исследовании американских политологов российского происхождения П. Вайля и А. Гениса «60-е. Мир советского человека» (М., «Новое литературное обозрение», 1996). Однако и в этих, и в некоторых других аналогичных работах даются в основном качественные характеристики условий использования предметно-вещного мира советского человека. Эти характеристики являются итогом личных наблюдений авторов и обобщений мнений других экспертов.

Широко распространена точка зрения, что воспоминания о прошлом для человека – бесплодное занятие. Прошлое не изменить, а вот время, которое тратится на эти воспоминания, отвлекает от принятия текущих решений. Возможно, это и так. Но – в масштабах отдельной человеческой личности. Для общества важна историческая память хотя

бы для того, чтобы избежать в будущем сделанных в прошлом ошибок. Трудный, сопровождавшийся многочисленными издержками путь, который был проделан Россией в 1990-е – 2000-е гг., вынуждал многих жителей страны бросать ностальгические взгляды в прошлое и резко критиковать настоящее. Это было особенно характерно для тех граждан, которые по тем или иным условиям потребления предметно-вещного мира относились к привилегированным группам и имели лучший доступ к дефицитным товарам и услугам. Но и те, кто не имел таких возможностей, часто вспоминали об убогом, но гарантированном социальном обеспечении. А часть бывших граждан СССР привлекало в том государстве отсутствие выбора, когда именно государство фактически определяло их жизненный путь. Конечно вторая сторона такой модели – раблезианство имеет право на существование, но в условиях дефицита, когда элементарно не хватает еды, питья, нетребовательных женщин, а интеллектуальные развлечения цензурируются, носит заведомо неполноценный характер.

В результате наших дискуссий мы должны вспомнить, каким было отношение к человеческому потенциалу в той, советской России, какими способами решали свои социально-бытовые проблемы строители коммунизма и принять, что нынешнее общество при всех его издержках гораздо гуманнее к своим членам.

Теперь о деталях.

Во-первых, о том периоде, о котором хотелось бы поговорить. Это – последние приблизительно три с половиной десятилетия существования СССР. В начале этого периода А.А. Ахматова определила его как «вегетарианский». В отличие от времен «невегетарианских», когда за прослушанный анекдот или кражу колосков с колхозного поля советского гражданина могли посадить лет на 10, 12-летнего ребенка – подвергнуть «высшей мере социальной защиты» (например, 30 января 1939 г. был расстрелян не доживший месяца до своего 17-летия Ю. Каменев, сын Л.Б. Каменева, ставшего в 1922 г. заместителем В.И. Ленина в Совнаркоме), жену оказавшегося в немецком плену советского офицера – заключить в лагерь... Тот период очень неплохо исследован, и даже нынешние российские коммунисты открещиваются от его «перегибов».

Гораздо опаснее ностальгия по «вегетарианскому» социализму, мы постараемся развенчать миф о его привлекательности, показать алогичность организации советского общества. В своей книге «Пятое время года» проживающий в Бостоне (США) философ и публицист В. Лебедев определил основную особенность этого периода. По его мнению, она состояла в том, что никто не предлагал советским гражданам, как это было раньше: «Пройдемте, там вам все разъяснят».

Во-вторых, о статистических источниках информации. Как бы ни ругали советскую статистику за ее необъективность и приукрашивание советских реалий сделать невозможное она не могла. Она не могла утверждать, что средняя обеспеченность советских граждан жильем составляет 50 кв. м на одного человека, а их среднемесячные доходы достигают 500 руб. в месяц. Советские люди были бы в немалой степени поражены, если бы узнали, например, что средняя годовая удойность коровы составляет 6 т молока, а средняя урожайность зерновых – 35 т/га. Поэтому в этой книге мы базируемся именно на официальных данных Центральных статистических управлений (ЦСУ), а в дальнейшем – Государственных комитетов по статистике (Госкомстатов) СССР и РСФСР. Они вполне достаточны для того, чтобы черное не принять за белое, и наоборот.

В-третьих, о географической привязке тех *gomo soveticus*. В первую очередь автора интересует именно столичная жизнь И это оправданно, поскольку в провинции условия жизни при «вегетарианском» социализме были гораздо хуже. За исключением некоторых закрытых административно-территориальных образований и научных центров с улучшенным снабжением населения продовольствием и промышленными товарами.

И, наконец, в-четвертых, важно описать все функциональные аспекты жизни россиян в предложенном временном периоде и на всех этапах их жизни – от рождения до смерти. Мы должны понять, что «идиотизм» советской жизни – это всеобъемлющее явление.

Только поняв это, мы можем реально оценить позитивную составляющую

трансформационных процессов последних двух десятилетий в контексте их влияния на человеческое развитие.